

Михаил Пселл**ПИСЬМО МОНАХУ ИОАННУ КСИФИЛИНУ,^[1] СТАВШЕМУ ПАТРИАРХОМ**

Нет, не отдам Платона, святейший и мудрейший [отче]! Он мой, о земля и солнце, — воскликну и я, словно трагик на словесной сцене. Ты поносишь мои долгие чтения диалогов, мое любовование его слогом и преклонение пред доказательствами. Но почему же не бранишь ты великих отцов? Ведь и они метали силлогизмы, чтобы низложить ереси евномиев и аполлинариев.^[2] Если же думаешь, что я внемлю его догмам или полагаюсь на его законы, то ты неправо судишь о нас, брат.

Много мудрых книг раскрывал я, много риторических словес произносил, и, не стану лукавить, ни Платон не утаился от меня, ни аристотелевской мудрости я не презрел. Мне ведомы предания халдеев и египтян. Да, ведомы, честная твоя глава! А уж о запрещенных книгах стоит ли и говорить? Но в сравнении с нашим богоносным Писанием, чистым и светлым, подлинно истинным, я все счел ложью и обманом. Нет, не отдам Платона! Не знаю сам, как вынесу суровость твоей речи! Не я ли некогда возлюбил божественный крест, а теперь и духовное иго?^[3] Не излишне ли строг ты, укорю тебя твоими же словами? Ты ведь не опроверг ни одной его мысли, а я—почти все их, если не думать, что все они плохи. Его речи о справедливости и бессмертии душ наставляли нас, когда мы начинали рассуждать о подобных вещах. Я, конечно не брал оттуда гной, а возлюбил чистую влагу и отцедил ее от грязи.

Я бы еще вынес, пожалуй, эти твои удары, но лишь душа адамантива и бесчувственная, поверь мне, может выслушивать от тебя о Хрисиппах,^[4] о моих силлогизмах, о несуществующих линиях и все прочее. Почему ты не повел дальше свою речь, почему не сказал: «Берегись, ждут тебя пытки неслыханные!»

Все, написанное тобой, ошеломило меня, и я долго-долго размышлял, пока не заподозрил одного из двух: то ли не прочел ты моего письма, то ли писал к какому-то Евномиию, либо к ученикам Клеанфа и Зенона, которые, возложив все на силлогизмы, не видят ничего вне расчетов и доказательств. Их тоже исследовал Платон, возвысившись до умозрения, увидел он и то, что лежит за пределами разума, остановив [внимание] на едином, а ты во всем винишь его, платононенавистник и словоненавистник, чтобы не сказать «ненавистник философии»! Когда успел ты разглядеть, что я лгну к Хрисиппу и новой Академии? Не прежде того ли, как мы, имея жилище не деревянное, а украшенное серебром и золотом, стали помышлять об одежде Христовой и о рубище и, много покорпев над ними, от замысла перешли к делу и теперь пребываем в обители господней? Нет, не к Хрисиппу привязались мы! Удивляешься тому, как во мне кипит желчь и клокочет гнев? По-твоему, я не похож на других, в моем теле нет внутренностей, где зарождается гневный дух, и я в силах поэтому перенести такую обиду? Нет, священная твоя душа! Если бы ты меня избил, отхлестал по щекам, выдрал все волосы, я бы мужественно претерпел это, но теперь, когда я все делаю для Христа, а ты, друг и судья, приписываешь мне дружбу с Хрисиппом и мнишь меня богоотступником, принявшим сторону Платона и Академии, я не

знаю, как мне жить дальше! Зачем даже упомянутым линиям ты, на все смотрящий свысока, навязываешь несуществующее? Ведь первый, кто заговорил о них, ввел также и линии, «нигде не лежащие», поступив очень мудро и возвышенно. «Нигде не лежать» не значит «не быть». Линии не «не существуют», но когда длина их мыслится умом, то, как сказал тот ученый, они «нигде не лежат». Вещи, относящиеся к этим «несуществующим линиям» и презираемым тобою силлогизмам, я соединил с мыслями о более важных предметах. Эти «несуществующие» линии, да будет известно тебе, словоненавистнику, лежат в основе всей физической теории. Физическую же теорию и наш общий Максим [5] скорее же мой, ибо он философ, считает второй добродетелью после практики, не изъявляя притязаний на математическую сущность. А тот, кто не признает основы предметов, тот отнимает у силлогизмов заключение, а в физических рассуждениях нарушает цельность. Когда нет этих двух вещей, то всеобщее—не целое и не цель для нас, уже нигде не шествующих, и не свершение.

Ты видишь, что это уже слишком, что не оглядываться [вокруг себя], не прибегать к умозаключениям, а не задумываясь, без искусной сноровки [карабкаться] по кручам предположений есть неразумие и незнание самих себя.

Если ты послушаешься меня хоть в чем-то, я тебе о тебе самом скажу вот что: не помышляй горделиво о том, чтобы сдвинуть гору, и не кичись тем, что не находишь услады в рассуждениях. Но найди равнину и лощину глубокую или разверзшееся ущелье или неописуемую, потайную пропасть в земле, спустись туда, спрячься на дне, склонись над нашими и над языческими книгами, поупражняйся сначала в силлогизмах и таким путем восходи к знаниям несиллогистическим...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иоанн Ксифилин (род. около 1010 г.) - друг юности Пселла, его товарищ по занятиям у знаменитого риторика Иоанна Мавропода. Один из самых образованных людей своего времени, Ксифилин возглавлял высшую юридическую школу в Константинополе до тех пор, пока, подобно Пселлу, не был вынужден удалиться в монастырь. В отличие от Пселла, Ксифилин после принятия монашества не вернулся к прежним занятиям и продолжал жить в монастыре вплоть до 1064 г., когда его избрали патриархом. Философские симпатии Ксифилина были на стороне Аристотеля, и настоящее письмо Пселла служит как бы отповедью византийского неоплатонизма аристотелизму.
2. Евномий и Аполлинарий Лаодикийский - христианские епископы IV в., противники никейского символа веры. Полемику с ними вели Афанасий Александрийский, Василий Кесарийский и др.
3. Намек на принятие Пселлом монашества.
4. Хрисипп, Клеанф, Зенон - философы-стоики III в. до н.э.
5. Речь идет, по-видимому, о философе-неоплатонике IV в. н.э., авторе комментариев к логическим сочинениям Аристотеля и учителя императора Юлиана.

Воспроизведено по изданию: Памятники византийской литературы IX-XIV вв./ Отв. ред.: Фрейберг Л.А. - М., 1969. - С.154-155. Перевод Т.А. Миллер; сделан по изданию: Pselli Miscellanea, Paris, 1876 (Bibliotheca Graeca medii aevi, ed. C.Sathas v.5), p.444.